Геннадий Яковлев

ЮНОСТЬ КОМСОМОЛЬСКАЯ МОЯ

Геннадий Иванович Яковлев родился в Донбассе. Участник боев с 1941 года. Командир отделения 1-го взвода 1-й роты 1-го Коммунистического батальона 22-й стрелковой бригады 4-го Гвардейского стрелкового корпуса 2-й Ударной Армии. В боях был ранен, инвалид войны 2-й группы. Награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны 1-й степени, многими медалями.

После войны - учитель. Отличник Народного просвещения, Заслуженный учитель школы РСФСР. Участник ВДНХа СССР, награжден ее Большой серебряной медалью. Живет в городе Кургане.

Родился я в Донбассе, в пятнадцать лет стал шахтёром. Там же, на шахте, меня застала война, а когда поднялся на гора, на шахтном дворе шел митинг. На этом митинге я сказал, что добровольцем пойду защищать мою Родину, как и все мои товарищи-комсомольцы.

25 июля 1941 года с группой добровольцев нас направили в город Святогорск, где обучили стрельбе из боевого оружия, а 1 августа мы уже приняли участие в боевых действиях под Смоленском. Мне тогда шел восемнадцатый год. Страху натерпелись больше, чем надо. Здесь мы своими глазами увидели войну в её отвратительном обличье. Вначале было труд-

но понять, откуда стреляют. Потом поняли, что то, что свистит, ухает - это всё уже мимо тебя...

Потом было Ярцево, Вязьма. Отступали с боями, теряя своих товарищей. Никогда не забуду пожилую женщину, а может, война сделала её такой? С глазами, полными слез, она тихо спросила, но слышали все: « А нас на кого оставляете? Как же мы будем здесь жить?» - И ещё долго стояла на окраине незнакомого села под Вязьмой эта сгорбленная женщина, глядя нам вслед. Мы не знали ответов на её вопросы, но я, да и не только я, чувствовал себя виноватым за то, что оставляли её и миллионы таких, как она. Но это была война.

12 человек, оставшихся от роты, мы пришли в Ворошиловград. Здесь формировали новые подразделения. В составе коммунистических батальонов нас привезли к Сталинграду, в поселок Дубовый Овраг, а оттуда направили к Москве на станцию Лихоборы. К этому времени немцы уже потерпели поражение под Москвой, наши войска развивали наступление, а нас направили к Ленинграду, на Волховский фронт в составе 22-й стрелковой бригады 26-ой армии, а позднее - 2-ой Ударной.

Примерно в двухстах километрах от передовой выгрузились на станции Кресты. Вся станция была запружена военными повозками, их там были тысячи. Хмурое небо, казалось, прижимало к земле, вдали - лес и ширь бескрайняя. Подумалось: «Какая же у нас огромная страна!» А там, куда нам предстояло идти, небо полыхало зарницами, там шли бои дни и ночи. На третьи сутки мы уже были в Большой Вишере. Отсюда хорошо был слышен грохот артиллерии, небо полыхало огнями, как будто это было рядом. «Только сейчас ушла финская разведка», - сообщил нам местный старичок.

Отдыхать было некогда и на этот раз. Перекусили, что называется, «на скорую руку» и «Подъём!». В километрах двадцати от передовой, в мелком кустарнике последовала команда: «Привал!». Здесь же заменили ботинки, сапоги на серые армейские валенки. Проверили оружие, выдали ещё по две гранаты РГД с запалами. Дважды пролетали над нами наши «кукурузники», и мы этому очень радовались. Нам разъяснили, как вести себя в случае внезапного нападения, словом, быть начеку! Патрон в патронник, затвор на предохранитель.

Вот и Волхов! Это тебе не Днепр. Здесь река не очень ши-

рокая, а противоположный берег, на котором укрепились немцы, очень крутой. Заняли оборону. Ничего не видно, но немцы, видимо, нас уже обнаружили: вспыхнули сразу несколько осветительных ракет, стало видно, как днём. Противник открыл пулемётный и автоматный огонь, завизжали мины, кто-то вскрикнул. Потом стрельба внезапно прекратилась: мы в глубоком снегу и нас не видно.

Старший лейтенант Антипин передал по цепочке: «Отделениями к противоположному берегу, соблюдая дистанцию, вперёд!» Бесконечно длинным показался наш путь на животе по «неширокому» Волхову. Лед местами разбит минами и снарядами, на льду вода, а мороз 40 градусов! Кое-как перебрались под навес крутого противоположного берега. Оказалось, немцы местами облили крутой берег водой. Забраться и атаковать прямо в лоб невозможно. Тогда Антипин принимает решение обойти горку с правого фланга и посылает уже обстрелянных ребят вперёд. Метров через триста по берегу оказалась ложбинка. По ней мы пробрались и почти в упор ударили по отступающим немцам. Вскоре пришло подкрепление. Вторая и третья роты нашего батальона стали преследовать отступающих гитлеровцев, которые, как правило, отступали от одного населённого пункта до другого на заранее приготовленные позиции.

Мы стали обследовать укрепления на берегу. Зайдя в хорошо обустроенный ДЗОТ, над моей головой вдруг раздался выстрел. Это Дотя Клейман, комсорг роты, первым увидел немца, прежде чем ему удалось выстрелить. Я вытащил убитого из укрытия.

В оборудованной землянке ярко горели дрова в печурке, варился мясной суп в большой посуде, оставалось только засыпать лапшу…

Политрук роты Тарасов не разрешал прикасаться к пище: “Она отравлена”, - говорил он. Но голод не тётка, мы поужинали и позавтракали этим варевом, и никто не отравился. Под нарами нашли ведро с мёдом. Думали масло. Попробовали - мёд! Тоже откушали. И опять команда: «Вперед!»

За участие в этом бою пять человек наградили орденом Красной звезды. В том числе был награждён и я.

Помню такой эпизод. Начальник штаба батальона трижды

посылал связных в штаб бригады, но ни один из них не вернулся. Тогда командир батальона, у которого я был связным в то время, послал меня: он знал, что я мальчишкой охотничал на Урале и умею ориентироваться на местности.

Иду, значит, тропкой, вижу полянка открывается, а на поляне вроде убитые, и почему-то недалеко друг от друга. «Может засада?», - подумал. Поравнялся с толстой сосной и сразу резко за сосну, а тут и очередь из автомата, да сосна спасла. Это у посёлка Мостки, что в Мясном Бору. Я круг дал, иду стороной, а направление держу. Прошел с полкилометра и опять на дорогу вышел, а там и поселочек небольшой показался. Штаб нашел сразу. Дверь открыл, а там картошкой варёной опахнуло. Смотрю, офицеры картошку с селёдкой едят, меня накормили. И обратно в путь. Ещё человек двадцать пополнение привёл в свой батальон.

Скажу вам, голодали неописуемо! У меня в противогазной сумке была голова селёдки да пара сухарей. Селёдочку пососешь, снежок в рот побросаешь, сухарь понюхаешь и вроде отобедал, а селёдочку опять в сумку до следующего обеда. Немцы строго следили, чтобы кухню нам не могли подвезти, хотели заморить нас голодом, А как страдали кони?! Грызли мёрзлую кору! Я грыз мёрзлый кусок хлеба, а лошадь смотрела на меня такими просящими глазами - душу выворачивало. Я не мог ей не дать хотя бы кусочек. Отковырял ножом немного, не мог смотреть ей в глаза, подал, так она чуть с рукой не отхватила. Горя хлебнули и люди, и кони, всем досталось под самую завязку.

Но то, что пришлось пережить в Любанской операции - не дай Бог никому крещеному! Начало было хорошим, немцы нас пропустили без единого выстрела, а потом «мешок» затянули. Оставался проход метров пятьсот, а то и того меньше. Всё простреливалось пулемётным и ружейным огнём. Снег по пояс, еды - никакой, в воздухе постоянно немецкие самолеты...

Когда стало ясно, что никакого объединения войск Волховского и Ленинградского фронтов не произойдёт в Любани, командование приняло решение повернуть 2-й Ударную на исходные позиции. Если бы войска 54 армии не пришли на выручку, от 2-й Ударной ничего бы не осталось. И всё же её основная часть навсегда осталась в Мясном Бору. До сих пор

ещё подбирают останки бойцов 2-й Ударной.

Навсегда в моей памяти останутся имена Александра Гревцева, Михаила Бэнзаря, Доги Клеймана, старшего лейтенанта Антипина, политрука Тарасова, Ивана Абрамова, Николая Бербеницкого, Виктора Менщикова, Александра Чумакова, Николая Пугачёва, красноармейца Маруды и других моих славных командиров и товарищей, которые мне стали родными, как братья. Вечная им память!

Трудно пришлось выходить из окружения. Пробирались по болотам, под снегом которых вода. Усталые, голодные с боями пробивались к своим. А когда ценой огромных потерь удалось пробиться, выйти из окружения, я выпил глоток какой-то неприятной воды из колодца и почувствовал сильную боль в желудке, лёг на снег, и в это время налетели немецкие самолёты, начали обстреливать и бомбить. Видел, что бомба летит прямо на меня, успел перевернуться и... больше ничего не помню. Очнулся в полевом госпитале: глаз забинтован, руки и ноги тоже. Я лишился значительной части левой стопы, отморозил левую руку и пальцы на правой ноге. С этого момента началась моя жизнь инвалида. После госпиталя в Ново-Кузнецке стал вопрос, как жить?

Работать в шахте не мог, пошел учиться в сельхозтехникум, что был тогда в селе Утятском и навсегда остался в Курганской области, которая, помогая мне в трудную минуту становления, помогла получить высшее образование, доверила обучать детей.

Впервые судьба свела меня с детьми, когда я работал директором Раскатихинского детского дома. Помню, как дети-сироты обступят со всех сторон и каждый кричит: « Папа!» Такое тоже не забыть.

Позднее в Межборской школе мы получили скороспелую кукурузу, которая в наших краях вызревает через 90 дней от посева. Это было своего рода достижением, о чём сказал Никита Сергеевич Хрущёв в своём выступлении по случаю вручения Курганской области ордена Ленина.

Я - рядовой солдат прожил свою очень трудную сиротскую жизнь, защищал свою Родину, и в трудное время она не забыла меня. Могу с гордостью сказать, что свою жизнь я прожил не зря.